

УДК 1(091)+130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.3.178

Н.А. БЕРДЯЕВ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

М.Г. Андреанов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор статьи исследует размышления Н.А. Бердяева над историей и сущностью русской культуры. С точки зрения автора, данные размышления имеют характер экзистенциальной рефлексии. Автор приходит к выводу, что экзистенциальная рефлексия Н.А. Бердяева над русской культурой основана на шести экзистенциалах. Такими экзистенциалами, по автору, являются религиозная вера, душа русского народа, самореализация, свобода, отчуждение, творчество.

Ключевые слова: *религиозная вера, душа русского народа, самореализация, свобода, отчуждение, творчество, экзистенциал.*

Н.А. Бердяев был одним из российских мыслителей первой половины XX в., которые испытали горечь вынужденной эмиграции, но продолжали переживать за судьбу своей Родины – России и её культуры. В чём состояла специфика исследования Бердяевым русской культуры? Это углублённое размышление над историей и спецификой русской культуры, преломленное через личный жизненный опыт и взаимодействующее с ним. На наш взгляд, суть данного размышления может быть определена при помощи словосочетания «культурфилософская экзистенциальная рефлексия». Тому есть три причины.

Первая причина заключается в том, что Бердяеву присуще характерное для экзистенциальной рефлексии взаимопреодоление и противоречие между историей русской культуры и мыслями о ней, которые им проживаются [1, с. 37].

В качестве второй причины можно выделить использование Бердяевым, исследователем закономерностей истории русской культуры, экзистенциальной рефлексии как «механизма, обеспечивающего изменения восприятия личностью себя и своего жизненного мира» [12, с. 149–150]. Если обратиться к культурфилософским работам этого мыслителя, то окажется, что их содержание – совокупность осмыслиемых и переосмыслиемых им «оснований личностного бытия» [12, с. 154], или экзистенциалов. В связи с этим мы будем следовать подходу А.С. Гагарина, согласно которому экзистенциалы – это «смысложизненные основания и способы человеческого существования», их выявление и постижение предполагает личное проживание и переживание [8, с. 71].

© Андреанов М.Г., 2025

Третью причину мы обнаруживаем в том, что Бердяеву, автору культурфилософских текстов, склонному к экзистенциальной рефлексии над русской культурой, присуще «непрерывное продуцирование смыслов и осознание ценностей», соотнесённых с русской культурой, которое видится способом существования индивидуального сознания автора данных текстов [13, с. 68].

Мировоззрение Бердяева неотделимо от осмысления истории русской культуры и той культурной реальности, которая сложилась после Великой российской революции 1917–1922 г. Потому все те особенности, которые были свойственны мировоззрению данного философа, оказывали определяющее влияние на выбор им тех экзистенциалов, которые он избрал для характеристики специфики русской культуры и основных этапов её истории. Если исходить из того, что Бердяев был религиозным мыслителем, творчески интерпретировавшим культурные процессы и события в жизни русского общества, обоснованно выделение шести экзистенциалов. Это, на наш взгляд, религиозная вера и душа народа, самореализация, свобода, отчуждение и творчество.

В культурфилософской рефлексии Бердяева экзистенциал религиозной веры играл определяющую роль, т. к. мыслитель был убеждён в том, что ход истории народа и его культуры, в том числе специфики его философской мысли, предопределены религией, принятой этим народом [3, с. 46]. Позиция Бердяева как христианского философа, размышляющего о роли православия в истории русской культуры, была своеобразной. Он признавал весомую роль двоеверия в формировании русской религиозности [3, с. 8]. Для него было характерно негативное отношение к последствиям влияния победы иосифлян над нестяжателями на русскую православную религиозность [3, с. 12–13]. Бердяев использовал словосочетание «историческое христианство», понимая под ним малодушное и рабское приспособление вероучения и политики христианской церкви, в том числе и Русской православной церкви, «к господствующим силам» мира сего. В связи с этим философ возлагал на русское «историческое христианство» существенную часть вины за те «гонения на дух» в революционной России, которые проявлены большевиками [3, с. 132].

Бердяев немало внимания уделил сравнительному анализу западной и русской христианской религиозности. Он пришёл к выводу, что русское «моральное сознание... более христианское», т. к. мысль православной России была всегда «свободна от греха рационализма», в отличие от католической схоластики [3, с. 46–47, 241]. Мыслитель полагал, что русскому христианину присуще предпочтение религиозно преображенной жизни земной культуре, а западный христианин склонен к культу культуры, обустройству в земном мире [3, с. 124–125].

Экзистенциал религиозной веры для Бердяева отражал самую важную составляющую души русского народа. Философ утверждал, что «русский народ – религиозный по своему типу и своей душевной структуре», и

поэтому в русской культуре даже атеизм, материализм и коммунизм приобрели религиозную окраску [3, с. 239]. Бердяев много внимания уделил изучению проявлений экзистенциала души народа в истории русской культуры. Мыслитель при этом исходил из того, что душа русского народа является одним из самых противоречивых примеров народных индивидуальностей [3, с. 7–8]. Бердяев считал, что в душе русского народа обнаружил три главных противоречия, и они заключались в конфликтах между восточным и западным началом, между восточнославянским политеизмом и византийским православием, в склонности к апокалиптике и к нигилизму [3, с. 8, 124]. Философ пришёл к выводу о неустранимости данных противоречий, и причину её он усматривал в том, что душе русского народа присущи «огромная сила стихии и сравнительная слабость формы» [3, с. 8].

Мыслитель эти особенности души русского народа объяснял двояко. С одной стороны, географически. То есть тем, что необъятность пространств России согласуется с «бесконечностью... русской души» [3, с. 8]. С другой стороны, при помощи образного соотношения мужского и женского начал. Бердяев, утверждая, что в каждом народе есть и мужское, рационально-волевое начало, и женское, иррационально-эмоциональное начало, констатировал преобладание женского начала в русской народной душе. Философ обосновывал это мнение тем, что «есть... индетерминированность в жизни русского человека», малопонятная для более рационально мыслящих европейцев [3, с. 240], а также что русскому народу присуща «пассивная... женственность... в отношении государственной власти» [5, с. 5]. Но это лишь преобладание, а не доминирование, т. к., по наблюдению Бердяева, «русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности» при защите своих интересов [3, с. 240]. В связи с этим важно отметить, что философ провёл сравнительный анализ души германского и русского народов, пришёл к выводу об их противоположности и при этом посчитал скорее уродством, чем преимуществом господство в душе германского народа мужского начала с идеей господства и могущества [3, с. 240–241].

Для Бердяева экзистенциал души русского народа был тесно связан и с экзистенциалом самореализации души народа в истории культуры. Недаром он отмечал, что ему в первую очередь хочется найти ответ на «вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ народа, его идея», а уже во вторую очередь – «чем эмпирически была Россия» [3, с. 7]. По мнению мыслителя, этот процесс самореализации длится всю земную историю русского народа, ведь «русская идея не есть идея культуры» [3, с. 125], но есть «эсхатологическая идея Царства Божьего» [3, с. 136].

Согласно Бердяеву, самореализация души русского народа сталкивалась и сталкивается с двумя препятствиями. Первое из этих препятствий является собой соблазн «обскурантского отрицания культуры вместо эсхатологической критики её», которому, к примеру, поддался Л.Н. Толстой. Вторым препятствием мыслитель считает массовое увлечение строительством

«механистической, колективистской цивилизации», которое, в частности, присуще большевикам, пришедшим к власти в России в 1917 г. Бердяев считал, что преодолеть оба данных препятствия способна «только культура конца», т. е. эсхатологически настроенная культура. По его мнению, к пониманию данной миссии русской культуры ближе всего подошёл философ Н.Ф. Фёдоров. Ведь именно он обличал проявления лжи в русской культуре и призывал к полному достижению мира и установлению «родства и братства не только социального, но и космического» [3, с. 136].

Бердяев, размышляя об историческом пути души русского народа, исследовал его связь с экзистенциалом свободы. Согласно мыслителю, суть этой связи заключается в том, что душа русского народа религиозна, а «источники свободы духа заложены в христианстве» [3, с. 46]. Для Бердяева доказательством такого понимания свободы духа русского народа послужил тот факт, что этот народ «не слишком поглощен жаждой... земного благоустройства» [5, с. 12]. По этой же причине «русский пафос свободы был скорее связан с... анархизмом, чем с либерализмом» [3, с. 139], недаром русский народ, подавляемый деспотическим государством, не боролся за своим права, а периодически «убегал в вольницу, бунтовал» [3, с. 15]. Экзистенциал свободы был так значим для Бердяева, что он использовал критерии свободы и бунта для оценки всех периодов русской истории.

Анализируя отношение Бердяева – исследователя русской культуры – к экзистенциалу свободы, необходимо упомянуть и о влиянии нарастающего отчуждения на судьбу русской культуры. По наблюдению Б.Л. Губмана, данный процесс является «порождением нескончаемой череды феноменов, мешающих индивиду быть самим собой» [9, с. 59]. Каждый философ может по-своему понимать суть неподлинного существования, причины пребывания человека в дисгармонии с собой, то, что является подлинной экзистенцией.

В связи с этим отметим, что, хотя Бердяев не использовал понятие «отчуждение», о влиянии этого феномена на историю русской культуры он размышлял. Мыслитель использовал другое, близкое по смыслу слову «отчуждение» – «объективация» [11, с. 356]. Для него объективация является глобальным состоянием отчуждённости от Бога, от объективной реальности, падшего мира и всех составляющих его субъектов: такие существа, по Бердяеву, должны рассматриваться как явления, а не подлинно существующие субъекты [7, с. 254]. Для него важным проявлением объективации является «поглощенность неповторимо-индивидуального, личного, общим, безлично-универсальным». Её примером является подмена религиозной веры её суррогатом, примиряющим христианина с земным миром. В такой, казалось бы, религиозной культуре господствует «“царство кесаря” вместо царства Божьего» [2, с. 254].

Бердяев полагал, что русская культура почти не подвержена влиянию объективации. И это потому, что, во-первых, русский человек всегда склонен к религиозности, даже став атеистом, коммунистом,

материалистом, скептиком [3, с. 239], и во-вторых, стремление к комфорtnому устроению в земном мире чуждо русскому народу, потому что он настроен эсхатологически [3, с. 125].

Показательно отношение Бердяева к экзистенциалу творчества. Мыслитель исходил из того, что до XIX столетия «многовековая невыраженность, неактуализированность сил русского народа» проявлялась в отсутствии самобытной русской мысли [3, с. 9–10] и, соответственно, оригинального русского творчества. В связи с этим Бердяев задался вопросом, допустимо ли творчество в земном мире для религиозного человека, в том числе русского человека, для которого приоритетом является спасение души.

По наблюдению мыслителя, в России XIX в. на этот вопрос давались противоположные ответы. Так, А.С. Пушкин полагал, что спасение души христианина совместимо со свободой его творчества, а Н.В. Гоголь и Л.Н. Толстой сомневались в этом [3, с. 28]. Бердяеву импонировала позиция А.С. Пушкина, и он выдвинул в её защиту два аргумента. Первый из них заключается в том, что так как жизнь каждого человека есть его собственный «творческий процесс» [6, с. 274], человеческая экзистенция не задана полностью и «творится в опыте жизни, в испытаниях... судьбы» человека [2, с. 14]. Второй аргумент базируется на констатации того, что творчество как трагично, так и дарует надежду на спасение. Трагедия творчества для Бердяева проявляется в том, что в земном мире человек хочет творить новое бытие, но всегда «вместо бытия творится культура» [4, с. 130]. При этом философ верил в то, что, когда в земном мире человек освободится от своей греховности, его творчество выйдет «за пределы культуры», потому что сможет обнаружить «прорыв к трансцендентному» и обрести «путь к иному бытию» [3, с. 131–132]. Так, Бердяев верил то, что когда-нибудь сферы культуры обретут христианский смысл, искусство превратится в теургию, философия – в теософию [3, с. 131]. Поэтому для этого мыслителя, как отметил Н.О. Лосский, все проявления трагедии творчества не напрасны, потому что они в человеке – творце – неуклонно «пробуждают волю к религиозному преображению жизни» [10, с. 258].

Итак, экзистенциальная рефлексия Н.А. Бердяева над русской культурой может быть понята через осмысление им следующих шести экзистенциалов: религиозной веры и души народа, самореализации и свободы, отчуждения и творчества. Согласно философу, для понимания русской культуры и её истории очень важен экзистенциал религиозной веры, потому что для него православие было одной из характерных черт русской культуры и главным критерием отличия русской культуры от культур Европы. С точки зрения Бердяева, экзистенциалу души русского народа хотя и присуща выраженная противоречивость, можно говорить о том, что русская народная душа на протяжении всей её истории хранила и хранит непреходящие характерные черты и цельность. Сущность экзистенциала самореализации

русского народа виделась Бердяеву в религиозном контексте, а именно – в настроенности на приближение эсхатологического конца истории. Экзистенциал свободы был очень близок Бердяеву-философу и стал для него критерием периодизации истории русской культуры. Мыслитель размышлял об экзистенциале отчуждения применительно к истории русской культуры, хотя предпочитал использовать другое, близкое понятие – объективация. Бердяев был убеждён в устойчивости русского человека к отчуждению, понимаемому им в религиозном контексте. Для Бердяева был значим и экзистенциал творчества. Он доказывал, что творчество и спасение души вполне совместимы, размышлял о причинах позднего начала самобытного русского творчества, анализировал воздействие борьбы восточных и западных влияний на творчество представителей русского народа.

Список литературы

1. Аббаньяно Н. Метафизика и экзистенциализм // Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм и другие работы. СПб.: Алетейя, 1998. С. 30–56.
2. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. С. 164–316.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. С. 5–342.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 37–341.
5. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: ВИНИТИ, 1990. 240 с.
6. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 254–357.
7. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 230–316.
8. Гагарин А.С. Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 70–73. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/article/hss20152815/fulltext> (дата обращения – 08.08.2025 г.).
9. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века // Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. С. 9–288.
10. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. 460 с.
11. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: Курс лекций / изд.е 2-е. М.: Аспект Пресс, 2000. 399 с.
12. Репецкая А.В., Репецкий Ю.А. Экзистенциальная рефлексия и изменения восприятия личностью себя и своего жизненного мира // Мир психологии.

2013. № 1. С. 148–155. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=pxtqid> (дата обращения – 08.08.2025 г.).
13. Фадеева И.Е. Экзистенциальная рефлексия и культурогенез: Культурологическое образование в контексте современности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 65–70. [Электронный ресурс]. URL: <https://phpp.sgu.ru/ru/articles/ekzistencialnaya-refleksiya-i-kulturogenez-kulturologicheskoe-obrazovanie-v-kontekste> (дата обращения – 08.08.2025 г.).

N.A. BERDIAEV'S EXISTENTIAL REFLECTION ON RUSSIAN CULTURE

M.G. Andreanov

Tver State University, Tver

The author of the article explores N.A. Berdyaev's reflections on the history and essence of Russian culture. From the author's perspective, these reflections have an existential nature. The author concludes that N.A. Berdyaev's existential reflection on Russian culture is based on six existentials. According to the author, these existentials include religious faith, the soul of the Russian people, self-realization, freedom, alienation, and creativity.

Keywords: *religious faith, the soul of the Russian people, self-realization, freedom, alienation, creativity, existentialism*

Об авторе:

АНДРЕАНОВ Михаил Григорьевич – аспирант кафедры философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: andreanov99@yandex.ru

Author information:

ANDREANOV Mikhail Grigorievich – PhD student, Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: andreanov99@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2025.